

них лет, как "Этнографическая библиотека" (с работами [Сумцов 1996; Зеленин 1994]) и "Традиционная духовная культура славян. Современные исследования" (с работами [Толстой 1995; Гура 1997] и др.).

Однако интереснейшие выводы авторов, на наш взгляд, перекрывают эти недостатки. Из выводов же отметим следующие.

1. Исследование символов в языке и культуре противостоит универсализму, поскольку всегда требует тщательных эмпирических исследований национальных культурных традиций, вскрывающих их своеобразие.

2. Из определяющих параметров – перечисленных выше "доминант", по наблюдениям авторов, на первый план выходит противопоставление: влияние письменной традиции и влияние внеписменной культурной традиции.

3. Эти традиции противостоят друг другу, образуя разные культурные слои и по-разному проявляясь в лексической системе языка, в частности во фразеологии.

4. Символы, как они функционируют в языке, не всегда параллельны символам в культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев А. 1994 – Поэтические воззрения славян на природу. I–III. М., 1994.

Бахилина Н.Б. 1975 – История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

Бенвенист Э. 1995 – Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Гура А.В. 1997 – Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Зеленин Д.К. 1994 – Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.

Культура 1987 – Культура, человек, картина мира. М., 1987.

Маковский М.М. 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.

Серебренников Б.А. 1988 – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1988.

Степанов Ю.С. 1965 – Французская стилистика. М., 1965.

Сумцов Н.Ф. 1996 – Символика славянских обрядов. М., 1996.

Толстой Н.И. 1995 – Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Benveniste E. 1970 – Le vocabulaire des institutions indo-européennes. Paris, 1970.

Handbuch 1987 – Handbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg. Von H. Bächtold-Stäubli, unter Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer. I–X. Berlin; New York, 1987.

Ю.С. Степанов

L.J. Loveday. Language contact in Japan. A socio-linguistic history. Oxford University Press. 1996. 217 p.

Автор книги, Л.Дж. Лавди – американский социолингвист, в настоящее время работающий в Японии (профессор университета Досея). В течение последнего десятилетия он активно печатается по вопросам японской социолингвистики и сейчас считается ведущим американским специалистом в этой области. К настоящему времени в США социолингвистика уже окончательно выделилась в особую научную дисциплину, и ученые в этой области (Л.Дж. Лавди – здесь один из образцов) сочетают в себе хорошее владение терминологией и методикой социолингвистических исследований с малым интересом к собственно лингвистике и с явными недостатками в соответствующей подготовке (в книге можно найти поразительные примеры вроде того, что в списке допустимых сочетаний согласных в японском языке на стр. 116 имеется ts, тогда как звонкий коррелят этой аффрикаты, обозначаемый в транскрипции z, в список уже не входит). Однако не это главное. Данная кни-

га, специально посвященная языковым контактам в прошлом и настоящем Японии, содержит интересный материал и вполне разумные выводы.

Книга состоит из семи глав, каждая из которых, как указывает автор, может читаться отдельно. Первая глава содержит теорию языковых контактов (в ней мало нового по сравнению с уже сложившейся в американской лингвистике традицией), вторая посвящена контактам японского языка с языками Азии, прежде всего китайским. Остальные пять глав, занимающие большую часть книги (стр. 47–211), исследуют контакты японского языка с западными языками, среди которых особую роль играл и играет английский.

Описание процесса заимствования иероглифики и лексики из китайского языка в японский в VII–X вв. и дальнейшего функционирования китаизмов в японском языке не содержит ранее не известных фактов, однако выводы Л.Дж. Лавди заслуживают

внимания. Он указывает на то, что заимствование огромного числа китаизмов, составляющих даже в наше время более половины словаря, никогда не сопровождалось ни активными человеческими контактами, ни значительным двуязычием. Количество китайцев, посещавших Японию, и еще в большей степени японцев, посещавших Китай, всегда было очень невелико, а после 894 г., когда процесс заимствования еще был в разгаре, они стали совсем ограниченными: в Японию перестали пускать китайские суда, а среди японцев ездить в Китай могли лишь буддийские священники, да и то в исключительных случаях; такая ситуация продолжалась до начала XV в. Правда, контакты шли не только напрямую, но и через посредников-корейцев.

Если первоначально, до IX в. включительно, помимо диглоссии, существовало некоторое двуязычие, а контакты шли не только на письме, но и в устном общении, то ситуацию, сложившуюся после 894 г., Л.Дж. Лавди оценивает как "диглоссию без двуязычия" (стр. 32). Заимствование шло лишь через книги, китайский язык в Японии знали лишь в буддийских монастырях. В то же время китайскому языку, исключительно в письменном виде, учили в школах, а так называемый "китайский стиль" (камбун) считался самым престижным языковым образованием. Однако использование камбуна параллельно с японским языком в том или ином виде трудно считать диглоссией в чистом виде. Во-первых, как указывает и сам Л.Дж. Лавди, тексты на камбуне вслух читались по-японски (для чего в текстах имелись помогающие этому значки); во-вторых, сами тексты на камбуне отражали значительную японо-китайскую интерференцию. Подавляющее большинство китаизмов японского языка либо заимствовано письменным путем, либо создано в самой Японии из компонентов, также заимствованных письменным путем; число устных заимствований незначительно.

Указанные выводы важны Л.Дж. Лавди прежде всего для того, чтобы показать в дальнейшем большое сходство между процессами заимствований из китайского языка в японский в далеком прошлом и из английского языка в японский в XIX–XX вв.

Говоря о контактах с европейскими языками, Л.Дж. Лавди кратко описывает наиболее ранние контакты с португальским (вторая половина XVI – начало XVII вв.) и голландским (XVII–XIX вв.) языками (по его подсчетам, в современном языке сохранилось около 200 лексических единиц, заимствованных из португальского, и около

160 – из голландского) и подробно останавливается на эпохе европеизации Японии, начавшейся с 60-х гг. XIX в. Он особо выделяет первые полтора десятилетия после революции Мэйдзи, происшедшей в 1867–1868 гг. В это время в японском обществе распространились идеи об отсталости Японии по отношению к Западу и о необходимости знать западные языки, среди которых очень скоро первое место занял английский, вытеснивший голландский. Появлялись даже идеи отказа от японского языка, якобы неспособного выразить современные понятия, и перехода на английский. В это время, по мнению Л.Дж. Лавди, среди образованного слоя общества распространились двуязычие и диглоссия. В открывшихся университетах европейского типа преподавали в основном по-английски, высшая элита постоянно говорила и писала по-английски, и даже в японской речи таких людей отражалось двуязычие. Вот любопытный пример (с. 71) из речи одного из виднейших просветителей тех лет Фукудзава Юкити: "Mister Курияма *is* хонтё ни kind man, кэрэдомо he *is* тайсо busy, коно сэцу, yes?" (Мистер Курияма – действительно добрый человек, но он очень занят в это время, не правда ли?). В эти годы ряд слов был заимствован устным путем, что отразилось в фонетике: *pudding* 'пудинг' дало японское *пурин* с тем же значением.

Однако с начала 1880-х гг. в Японии усилились враждебность к Западу и стремление сохранить национальную культуру. В 1882 г. в университетах запретили читать лекции на западных языках по всем предметам, кроме литератур соответствующих стран. После этого в Японии сложилась ситуация, в чем-то сходная с ситуацией японо-китайских языковых контактов в X–XIV вв. Хотя, конечно, полного запрета на человеческие контакты с иностранцами не было, но двуязычие, и ранее ограниченное элитой, потеряло всякое значение. Но в то же время процесс заимствования лексики из английского (в меньшей степени из немецкого и французского) в японский не только не прекратился, но, наоборот, усилился и даже демократизировался, хотя теперь заимствования приходили в японский язык в основном письменным путем. В отличие от китаизмов, преимущественно книжных, значительная часть американизмов (уже с начала XX в. большинство заимствований приходило из США, а не из Англии, как это было в 60–70-е гг. XIX в.), прежде всего обозначения бытовых реалий, быстро стала общеобиходной.

И, как убедительно показывает Л.Дж. Лавди, с тех пор при всех изменениях языковой политики суть процесса оставалась той же. Хотя масштабы проникновения в японский язык западных заимствований (гайрайго) менялись: оно активно поощрялось в первой четверти XX в., затем ограничивалось в период милитаризма, особенно в конце 30-х – первой половине 40-х гг., а в период американской оккупации число гайрайго возросло во много раз, – однако по-прежнему американизмы заимствуются в основном книжным путем, но среди них очень много бытовых, общеобиходных и даже жаргонных и просторечных слов. А главное, весьма интенсивный процесс заимствования не сопровождается активным ростом двуязычия.

Конечно, японо-английское двуязычие встречается чаще, чем 60–100 лет назад, но, вопреки расхожим, в том числе и у нас, мнениям, уровень владения английским языком в Японии невысок; об этом пишут и другие авторы [Honma Nobuyuki 1995: 56–57; Suzuki Takao 1987: 121]. И это при том, что язык учат почти во всех японских школах и он входит в программу вступительных экзаменов большинства университетов. Л.Дж. Лавди подчеркивает консервативность и излишнюю академичность японской системы образования. В японских школах и вузах учат в основном чтению и переводу, грамматике, но не разговорному языку. Но, как неоднократно указывает автор книги (с. 96, 98, 175 и др.), это скорее следствие, чем причина: главное – отсутствие у японцев мотивации для изучения английского и других иностранных языков. Английский язык – обычно один из самых непопулярных предметов. Самая сильная мотивация для его знания – необходимость подготовиться к экзаменам в престижные университеты, исход которых во многом определяет последующий статус японца на всю жизнь. Затем идет потребность читать по-английски специальную литературу и крайне незначительно желание общаться с иностранцами. Влияют традиционная замкнутость японского общества, разница культур, нелюбовь японцев показывать недостаточное умение что-то делать, в том числе и плохое знание языка, привычка японцев к письменному способу получения знаний и т.д. (с. 98). Даже японцы, выезжающие за рубеж, в большинстве не знают никаких языков, кроме своего, и общаются лишь между собой. Те же японцы, которые по необходимости хорошо владеют иностранными языками (например, долго работавшие за границей), нередко перестают считаться

"чистыми" японцами и испытывают недоверчивое к себе отношение.

Эти наблюдения Л.Дж. Лавди подтверждает и проведенным им массовым обследованием информантов. Из опрошенных 54% заявили, что не знают английского языка, хотя почти все когда-то его учили; лишь 9% нуждаются в этом языке на работе, в основном для чтения; только 5% употребляют его в неофициальном устном общении (с. 175–176).

Отметим, что и другие авторы приходят к тем же выводам. Например, видный японский социолингвист Судзуки Такао (оцениваемый Л.Дж. Лавди как крайний пурист) приводит данные, согласно которым японцы почти не испытывают психологического барьера по отношению к иностранным идеям и культурам, но испытывают очень большие трудности при общении с людьми иной культуры и расы [Suzuki Takao 1987: 142–143]. А если это так, то у них нет стимула для изучения иностранных языков, но освоение иностранных идей и культур неизбежно связано с лексическими заимствованиями.

Благоприятствует этим заимствованиям и другая черта, отмечаемая Л.Дж. Лавди. Нелюбовь к общению с носителями английского языка совмещается у многих японцев с "комплексом неполноценности" по отношению к американской культуре, прежде всего к массовой культуре потребления. Нередко даже реклама японских товаров, рассчитанная на японцев, преподносится как бы на английском языке. Однако это не столько реальный английский язык, сколько некоторый аналог камбуна средних веков. Японские гайрайго обычно пишутся японской слоговой азбукой – катаканой, однако сейчас иногда используется и латинское письмо. В связи с этим Л.Дж. Лавди отмечает следующее явление: рекламные тексты, сплошь состоящие из заимствований, нередко пишутся сначала катаканой, а потом специально переводятся в латиницу. Люди, очень плохо знающие английский язык, обращаются якобы по-английски к людям, вообще не знающим этот язык. Естественно, такие фразы и целые тексты нельзя назвать текстами на английском языке. Не раз исследовалось множество сложных слов и словосочетаний, образованных в самом японском языке из английских по происхождению компонентов. Эта также аналогично тому, как в этом языке обходятся с китаизмами.

Л.Дж. Лавди анализирует предметные области, связанные с гайрайго. Он показывает, что американизмов очень мало среди

политической и юридической лексики, среди терминологии "чистых" наук и т.д. Однако они господствуют в сфере потребления, особенно в рекламе товаров, надписях на товарах (майках и пр.), текстах, связанных с шоу-бизнесом, в журналах для молодежи и женщин и т.д. Очень часто здесь используются заимствования, заведомо не понятные большинству читателей и слушателей. Здесь важен не смысл, а общий ореол "престижности" и "элитности", связанной с американской культурой (стр. 106, 132 и др.). Отметим, что подобные наблюдения раньше Л.Дж. Лавди делались автором данной рецензии [Алпатов 1985; 1988: 88–94].

Однако, помимо сферы потребления, есть и еще одна сфера, где американизмы господствуют. Это, как подчеркивает Л.Дж. Лавди, сфера высоких технологий, менеджмента и экспортных областей экономики. Американизмы составляют 75% терминологии маркетинга, 80% торговых терминов, 99% – компьютерных (стр. 101–103). Япония – главный кредитор и банкир мира, многие области экономики стали чисто экспортными. Поэтому здесь усиливается интернационализация, а ресурсов японского языка слишком явно не хватает. Такая интернационализация требует не только заимствования лексики, но и японо-английского двуязычия. По мнению Л.Дж. Лавди, дети, растущие в такой обстановке, уже не будут склонны к типичной для современного взрослого японца недооценке английского языка, и ситуация в будущем изменится (стр. 102–103).

Л.Дж. Лавди выделяет четыре основные функции ресурсов чужого языка при заимствовании. Это вестернизация, освоение иной культуры (включая сюда и функцию, связанную с престижностью и элитностью); компенсация, заполнение пустых мест (создание новых терминов, обозначений новых реалий и пр.); затемнение (табу, эвфемизмы, тайные языки); юмор (в том числе основанный на макароническом смешении). Все

эти функции в полной мере имеются при заимствовании из английского языка в японский (с. 199). Отмечается и ряд других функций. При этом Л.Дж. Лавди вряд ли прав, исключая из их числа на с. 192 функцию снятия омонимии: известно, что многие китаизмы, понятные на письме благодаря иероглифике, непонятны на слух из-за значительной омонимии. Поэтому в устной речи они нередко заменяются на американизмы: мне пришлось наблюдать, как написанный в тексте доклада термин *сэйсэй-гэнгогаку* "порождающая лингвистика" был при прочтении заменен на *дзэ-нэратибу рингуистикку* (generative linguistics).

В целом Л.Дж. Лавди отмечает, что японо-английские контакты плохо укладываются в обычные схемы языковых контактов (с. 156). Однако в Японии второй раз повторяется то, что уже было в период активных контактов с китайским языком. Снова происходит то, что автор рецензируемой книги характеризует следующим образом: общество мало выражает сопротивление контактам и в то же время между двумя обществами сохраняется высокая степень непонимания (стр. 213).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Honna Nobuyuki* 1995 – English in Japanese society: Language within language // Multilingual Japan / Ed. by J.C. Maher, Kyoko Yashiro. Clevedon; Philadelphia; Adelaide, 1995.
- Suzuki Takao* 1987 – Reflections on Japanese language and culture. Tokyo, 1987.
- Алпатов В.М.* 1985 – Англоязычные заимствования в японском языке и американизация японской массовой культуры // Японская культура и НТР. М., 1985.
- Алпатов В.М.* 1988 – Япония: Язык и общество. М., 1988.

В.М. Алпатов